

Илья Салов

Волки

Илья Александрович Салов
Волки
Серия «Рассказы охотника»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=623815

Аннотация

«Андриан завыл... вой его раскатился по лесу, пробежав по холмам и долам, и словно отозвался эхом. Но то было не эхо, а отклик старого волка. Отклик этот раздался из глубины оврага. Андриан замолк, и мертвая тишина снова водворилась... но тишина эта продолжалась недолго. Вой из оврага послышался снова, Андриан подхватил его, и два эти голоса словно вступили в беседу, словно принялись обмениваться вопросами и ответами. Я притаился, перестал дышать, а вой волков словно приближался. К старому хриплому голосу присоединились более свежие – и потрясающий Концерт начался...»

Илья Александрович Салов

Волки

Посвящается З. Р.

Как-то, часов в 10 утра, получаю я следующее известие: «Распорядитель общества охоты с гончими на основании № 6 устава имеет честь уведомить, что 7 и 8 сентября месяца назначена охота в Курдюмских местах и в Девятовке, где имеется выводок волков, и что сбор охотников назначается на охотничьем дворе, в 7 1/2 часов утра».

Прочитав вышеизложенное, немедленно отправляюсь к хорошему моему знакомому Михаилу Бурбонову.

– Получили? – спрашиваю его.

– Получил.

– Думаете ехать?

– Всенепременно.

– Товарища имеете?

– Нет.

– Не желаете ли ехать со мной?

– Отлично. Кстати я себе недавно ружье приобрел... По случаю... Ланкастер без курков... стрелял в дерево – так в щепки!.. Думаю, оставит за флагом все общество наших "ша-сёров", ибо господа эти, кроме Питера, никого не признают...

– А я так поеду с шомпольным...

– Берегитесь, вас засмеют!

– Не думаю. Ружье, пожалуй, что и старой конструкции но зато стволы у него бельгийские – *damas superfin*...¹

Бурбонов даже расхохотался.

– А бьет как? – спросил он.

– Беспощадно.

– Когда же мы поедем: утром или на, ночь?

– Конечно, вечером... на охотничьем дворе переночуем, это будет удобнее.

– Согласен.

– Итак, дело решено?

– И решено и подписано. Только забота о лошадях ложится на вас, потому что мне некогда... надо в окружной суд... Наймите лошадей, а вечером часов в семь заезжайте за мной, я буду готов.

И, проговорив это, Бурбонов затормошился, съел наскоро тартинку, выпил рюмку мадеры, собрал с письменного стола кучу каких-то бумаг, затолкал их в портфель, щелкнул замочком, ощупал карманы и, накинув пальто, отправился в суд, а я – к содержателю почтовой станции Маркелу Иванычу.

Часов в семь вечера мы мчались уже в тележке, запряженной тройкой почтовых лошадей, по дороге, ведущей к охотничьему двору. В ногах у нас лежали саквояжи с про-

¹ Дамасской тончайшей стали.

визией, а на коленях – знаменитый Ланкастер и мое не менее знаменитое бельгийское ружье. Мчались мы в полном смысле слова, ибо только что купленные Маркелом Иванычем башкирки, запрягавшиеся всего второй раз, закусив удила, понесли нас, не выезжая еще из города. Несли они нас как вихрь, фыркали, били задом, и не успели мы опомниться, как вылетели из города, перескочили через линию железной дороги, миновали лютеранское кладбище, мужской монастырь, и только неподалеку от сапинских дач лошади наши, убедившись в тщетности своих усилий вырваться на свободные башкирские степи, стали немного смиряться, перестали фыркать, перестали бить задом и взбежали мелкой, но спорой рысью.

Против сапинских дач мы догнали господина в тележке, кружившегося посреди дороги. Оказалось, что это был Иван Иваныч, член общества, тоже пробиравшийся на охотничий двор. Охотник этот тщетно старался понудить свою лошадь идти вперед, он хлопал ее вожжой, щелкал языком, бил кнутом, но упрямая лошадь продолжала себе вертеться кругом на одном месте.

– Иван Иваныч! – крикнул Бурбонов. – Что это с вами? Вальсируете?

Но Иван Иваныч только махнул рукой.

Мы невольно расхохотались, глядя на вальсирующего охотника, и, объехав его, отправились дальше.

Однако позвольте познакомить вас прежде всего с нашим

кружком охотников и с тем охотничьим двором, на котором придется нам провести ночь. Кружок наш невелик – в нем насчитывается не более сорока членов, из которых большую половину можно назвать охотниками ненастоящими не потому, что они не умели стрелять, а потому, что, не имея свободного времени, они редко выезжают на охоту. В кружке этом, вы встретите и адвокатов, и нотариусов, и коммерсантов, и чиновников, и помещиков, и железнодорожников, и банковских дельцов, и русских, и немцев, и аптекарей... Словом, встретите самое разнообразнейшее общество. Кружок этот состоит из охотников ружейных, и только один из его членов выезжает с несколькими сворами борзых собак и собаками этими травит то, что успеваеет прорваться сквозь цепь стрелков. Каждый член вносит 25 рублей, из каковых взносов и образуется капитал, идущий на содержание доезжачего, выжлятников, лошадей, стаи гончих собак и, наконец, охотничьего двора. Саратовское общество охотников нельзя назвать правильно организованным. Это скорее кружок любителей, не задающийся никакими иными целями, кроме удовлетворения собственных своих охотничьих потребностей. Общество это нисколько не походит на те общества и кружки, которые приходилось мне встречать в разных местностях Германии, Там общество охотников задается более обширными целями. Оно снимает в аренду леса и поля, имеет своих стражников, наблюдает за правильностью охоты, преследует несвоевременное истребление дичи – словом,

приносит обществу; некоторую известную пользу, смешивая полезное с приятным. И действительно, мне приходилось не раз убеждаться в полезности тех обществ; Там волков нет, там не нагадают они стаями на селения, не разоряют крестьян своими набегами, зато всякая дичь, идущая на пользу, а не во вред человеку, охраняется с педантической аккуратностью. Приведу в пример один факт, случившийся со мною. Несколько лет тому назад пришлось мне прожить года два в бывшем Нассауском герцогстве. Раз как-то отправился я гулять в поле и захватил с собою комнатную собачку из породы мышеловок. Но только что успел я выйти в поле, как ко мне подходит стражник и вежливо замечает мне, что собачку надо взять на шнурок, что, конечно, собачка эта не может поймать зайца, но зато может его напугать. Всякому русскому покажется это смешно, но, право, смешному порядку этому нельзя не позавидовать. Зато там, когда наступает время охоты, ни один охотник не возвращается с пустыми руками. У него все есть: и куропатки, и утки, и тетерева, и зайцы... у него нет только хищных, приносящих человеку вред, зверей и птиц. Там за каждую убитую хищную птицу, не говоря уже про зверя, выдается денежная премия.

Итак, саратовское общество охотников есть не что иное, как кружок собственно любителей охоты, любителей пострелять, с целью или развлечения, или просто отдыха от трудов. Кружок этот даже охотится редко, ибо выезжает на охоту только по праздникам; большею частью охотится в окрестно-

стях Саратова и редко отделяется от него далее сорока верст. Тем не менее однако кружок имеет распорядителя, на обязанности которого лежит административная и хозяйственная часть этого скромного дела и главенство во время самой охоты. Под его непосредственным наблюдением находится псарный двор, доезжачий, выжлятники, хозяйство этого двора; на охоте он раздает жеребьи, расставляет стрелков, наблюдает за порядком охоты, выбирает места, рассылает повестки и проч.

Охотничий двор находится верстах в пятнадцати от Саратова. Если вам случилось ехать по железной дороге по направлению к Курдюму, то вы, вероятно, видели и охотничий двор этот. Он помещается как раз возле того яблочного сада, который разрезывается линией на две части. Именно позади левого сада и лепится на небольшом овражке, по дну которого бежит ручеек, называемый рекою Поливановкою, описываемый охотничий двор. Двор этот состоит из небольшого флигеля, крытого тесом, с просторными сенями, разделяющими флигель на две половины. В первой, чистой половине имеется довольно просторная комната для приезда и ночлега охотников, а во второй, задней половине помещается доезжачий Адриан с своим семейством и выжлятник Антон. Флигель этот с трех сторон обнесен дощатым забором, образующим двор, внутри которого имеется небольшой амбарчик для ссыпки овса и муки, небольшой навес для склада дров и сена, отделение для гончих собак, отделение для

щенят и небольшая конюшня для лошадей. Крылечко, ведущее во флигелек, снабжено, конечно, навесом, резной решеткой и неизбежным висячим кувшином, служащим рукомошкой.

Часов в восемь вечера мы подъезжали уже к охотничьему двору. Еще издали стук нашей тележки взбудоражил запертую стаю гончих, но когда тележка наша с громом и звоном подкатила к воротам охотничьего двора, то стая эта подняла такой неистовый вой и лай, что даже страшно становилось выходить из тележки. Так и казалось, стая эта выломает двери, разнесет всю закуту, в которой помещалась, и, вырвавшись на свободу, разорвет нас на части.

Но вот послышался удар арапника, чей-то голос крикнул: "Атрыш, смирно!" – и стая мгновенно умолкла. Было уже поздно, лучи света, словно золотые прутья, падали на землю из растворенных окон флигеля.

– Кто это приехал? – раздался чей-то голос.

– Мы, шасёры! – ответил Бурбонов.

– А! – раздалось несколько радостных голосов. Немного погодя мы были уже в комнате, стены которой были увешаны ружьями, патронташами, сумками, рогами и другими охотничьими атрибутами. Там было уже несколько человек охотников настоящих, коренных, между которыми в качестве хозяина находился и распорядитель охоты, сидевший за самоваром и разливавший чай. В комнате, несмотря на растворенные настежь окна, носился теплый пар от самовара, сме-

шанный с дымом папирос и сигар.

– Здравствуйте, здравствуйте! – раздавалось со всех сторон.

– Добро пожаловать... Чаю не хотите ли?.. Присаживайтесь-ка.

– Вы как – вдвоем?

– Вдвоем.

– Из охотников никого не обгоняли?

– Обгоняли.

– Кого это?

– Ивана Иваныча. Он вальсирует неподалеку от сапинских дач, но теперь, вероятно, немного подвинулся.

Раздался хохот.

– Это всегда так! – заметил кто-то. – У него лошадь с норовом. Впрочем, когда он путешествует вдвоем, то дело у него идет успешнее, тогда он сидит в тележке, а товарищ ведет лошадь под уздцы.

Хохот усилился еще более.

Мы с Бурбоновым уселись за стол и принялись за чай.

– Ну, господа! – проговорил немного погодя распорядитель. – Охота завтра предстоит нам торжественная. В Девятовке выводок волков – два старых и пять молодых. Чур не зевать, смотреть в оба... Лист еще не облетел, трава не опала, как раз прорвется...

– Так-то так, – подхватил один из охотников, – только одно нехорошо, что как раз в острове этом лес рубите... Как

бы гнездо не тронули...

– Лес рубят в другом конце, далеко... Гнездо держится в котловине, а лес рубят на горе... Это все пустяки...

– Хорошо, коли так.

– Уж это верно. Волк мужика не боится.

– А все-таки не мешало бы проверить...

– Что ж, и проверить можно... Пошлем Андриана, он и проверит.

– Пусть его подвоет...

– Извольте.

– А мне можно будет с ним ехать? – спросил я.

– Куда?

– В лес, послушать, как он подвывать будет.

– Так ведь вам тогда всю ночь придется не спать. Ведь Девятковский-то лес верстах в десяти отсюда. Пока доедете, пока там провозитесь, пока назад вернетесь, дело-то и подойдет к рассвету...

– Что ж такое?

– А если это для вас нипочем, так ступайте с богом!

– Конечно, нипочем.

– Только смотрите, завтра на лазу не спать!..

– Не бойтесь, не засну.

Позвали Андриана и отдали ему надлежащие приказания; охотники сели играть в карты.

Так как мне никогда не приводилось слышать, как подывают волков, то нечего говорить, что я был в восторге сопут-

ствовать Андриану.

Часов в 12 ночи пара подседланных лошадей стояла уже у крылечка флигеля. На одну из них сел я, на другую – Андриан, и мы отправились в путь. Ночь была в полном смысле слова восхитительная. Полная луна плыла по темно-голубому небу, усеянному брильянтовыми звездами, обливая землю мягким, серебристым блеском. Давно уже не видал я таких прелестных, поэтичных ночей. Я словно встрепенулся, словно ожил и, весь превратившись в созерцание, чувствовал, что душа моя наполняется каким-то неизъяснимым, восторженным, поэтическим настроением. Справа возвышались у нас горы, покрытые лесом, те самые горы, которые амфитеатром охватывают Саратов и составляют как бы продолжение Увекской горы, Алтынной и других, неизвестных по именам. Волнообразные горы эти при лунном свете казались громадными, и еще живописнее контуры их обрисовывались на прозрачном фоне неба. Направо кое-где синели и краснели сигнальные огоньки железной дороги... Путь наш пролегал по долам, среди огородов и бахчей, усеянных крупными шарами арбузов. Словно черепа сказочных богатырей, белели эти шары, усыпая собою, обширный дол; словно каким-то полем битвы проезжали мы, на котором пали тысячи героев, тысячи сказочных богатырей. Вдали за холмами стонал и грохотал поезд и, потрясая воздух диким стоном и воплем, еще более усиливал иллюзию... Как новый Дон Кихот смотрел я на все Это, и очарованию моему не было пре-

делов...

Проехав верст пять, мы очутились в селе Разбойщине. Что за прелестную картину представляло тогда это село. Раскинутое на нескольких холмах, с высокой белой церковью, тоже возвышающеюся на холме, со множеством садов, кривыми улицами и проулками, с двумя-тремя оврагами, на дне которых крутились и прыгали гремучие ручьи, все облитое потоками серебра и блеска, "ело это невольно поражало своею живописною оригинальностью. И вспомнил я тогда другую такую же лунную ночь, но только зимнюю, светлую, морозную, с ветром, колючим, как иглы... вспомнил санки, летевшие по скрипучему снегу, дрожь, охватывавшую меня... женский смех и шепот... И, вспомнив ту чудную ночь, забыл, где я и что со мной. Я ехал, повесив поводья на луку седла, ехал, не правя лошадей, не глядя на дорогу... даже забыл про волков, про следовавшего за мною Андриана... Сердце вырывалось из груди, а рука словно искала обнять кого-то, как обнимала она тогда, в ту морозную, колючую ночь...

– Сударь! – послышалось вдруг сзади.

Я вздрогнул, оглянулся и вспомнил про Андриана.

– Теперь надоть того... – шептал он, – с коней-то слезать. Вот Девятковский лес... Давайте-ка привяжем лошадей вот к этому дереву, а сами пойдем пешком.

Я посмотрел направо и действительно увидел, что мы стоим у опушки леса, окутанные падавшею от него тенью... Мы слезли с коней, привязали их к дереву и углубились в тем-

ный лес.

– Вот тут сейчас вершина будет... – шептал между тем Андриан – а на конце вершины котловина выйдет, с камышами и кочками... там самое гнездо и есть... Идите за мной, а теперь пока молчите, ни слова, и шагайте осторожней... Он чуткий, даром что волк...

Картина изменилась, свет исчез... Лес был окутан мраком, и только кое-где, сквозь вершины деревьев, прорывался местами бледный свет луны. Мы шли по мягкой мураве тихо, неслышно, крадучись, даже сдерживая дыхание, боясь дыханием этим нарушить царствовавшую тишину. Андриан шел передом, а я сзади, не спуская глаз с его тощей, маленькой фигуры, его косматой головы, прикрытой рваным картузом... Тишина в лесу была такая, что даже страшно было дышать. Лес этот не шевелился ни единой веткой, ни единым листком, словно он обомлел, умер, истлел и только ждал минуты своего разрушения. Как-то жутко было среди этого мертвого царства, и только один Андриан, то нагибавшийся, то к чему-то прислушивавшийся, то зорко оглядывавшийся во все стороны, оживлял собою эту окружавшую мертвенность... Иногда он останавливался, поднимал руку и, постояв таким образом несколько секунд, снова начинал красться промеж деревьев... Вдруг он остановился, пригнулся и, судорожно схватив меня за руку, заставил сделать то же... Я словно замер, но все-таки ничего не понимал... Что же это такое?.. В темноте мелькнуло два огонька, затем поодаль еще

два... Я стал догадываться и в ту же минуту почувствовал, что мороз пробежал по моему телу, что волосы на голове словно зашевелились... а между тем огоньки все мелькали и мелькали... то загорятся здесь, то там, то потухнут, то снова вспыхнут... Сзади меня зашевелился куст, я осторожно поворотил голову и увидел, что в чаще куста этого засветились два огонька, засветились и словно пронизали меня насквозь своими лучами. Я не дышал, боялся пошевелиться... Андриан словно умер, он лежал ничком, плотно припав к земле, и словно вдруг ушел и закопался в эту землю... Наконец огоньки потухли, шелест и треск стали отдаляться, а немного погодя и совсем замолкли, как будто и не было ничего.

– Волки! – шепнул Андриан и приподнялся на одно колено. – Мы их ищем, а они нас нашли. Видели?

– Видел.

– Многих насчитали?

– Я не считал...

– Оробели, что ли?

– Оробел...

– А я так сосчитал... все налицо...

– А разорвать они не могут?

– Коли смиренно будешь лежать, так зачем они разорвут...

Вот как побежишь от них, ну, тогда другое дело, пожалуй, что бросятся... а лежи смиренно – ни за что не тронут.

И потом, переменяя тон, прибавил:

– А теперь пойдем на просеку. Мы их туда потребуем...

– И придут? – спросил я.

– Должны бы прийти... Только тише как можно...

Мы повернули налево, прошли немного лесом и немного погодя вышли на просеку.

Свет луны опять так и облил нас с головы до ног, словно из темного, мрачного подвала; вышли мы на свет божий. Просека эта отделяла нетронутый лес от вырубленного, порубка которого, как видно, была произведена года три-четыре тому назад, ибо на порубке этой не было уже ни сложенных в сажени дров, ни ометов хвороста, а пни успели уже зарости молодыми побегами от Корней. Выбрав один из таких-то обросших пней, возвышавшихся на опушке небольшой полянки, Андриан оглядел его со всех сторон, оглядел местность и, обратись ко мне, прошептал:

– Вот тут ничего, ладно будет...

И, разобрав руками поросль, прибавил:

– Садитесь, а я пойду вон за тот кобёл спрячусь.

Мы разошлись по местам, притаились, а немного погодя раздалось и подвывание. Подвывание это, начавшееся едва слышными нотами, словно выходящими из-под земли и то где-то далеко-далеко, постепенно усиливалось и наконец переходило в тот заунывный, отчаянный и словно вызывающий к состраданию вопль, который потрясает вас до глубины души. Тут слышались и гремели самые отчаянные ноты, тут было все: и голод, и отчаяние, и тоска. Читателям моим, конечно, не раз доводилось прислушиваться к унылому

концерту этих голодных ночных скитальцев, что Же касается до меня, то мне несколько раз приходилось даже видеть хор этих странствующих артистов, и, признаюсь, каждый раз хор этот производил на меня самое потрясающее впечатление... Даже концерты слепых нищих, распевających про "Лазаря слепого, большеглазаго", и те не поражали меня с такою силою, как концерт этих хищников, не имеющих права жить. Так точно выл и Андриан. Запрятавшись в кобёл, под какой-то вывороченный корень, он так искусно замаскировался, что даже мне, знавшему, где именно скрывался он, казалось, что выл не он, а кто-то другой, далеко от меня находившийся. Все было тихо... Андриан завыл снова... вой его раскатился по лесу, пробежав по холмам и долам, и словно отозвался эхом. Но то было не эхо, а отклик старого волка. Отклик этот раздался из глубины оврага. Андриан замолк, и мертвая тишина снова водворилась... но тишина эта продолжалась недолго. Вой из оврага послышался снова, Андриан подхватил его, и два эти голоса словно вступили в беседу, словно принялись обмениваться вопросами и ответами. Я притаился, перестал дышать, а вой волков словно приближался. К старому хриплому голосу присоединились более свежие – и потрясающий Концерт начался.

Вдруг что-то хрустнуло, что-то зашумело, я оглянул полянку и увидел всех семь волков. Они стояли в опушке леса рядом, в линию, развёрнутым фронтом один подле другого шагах в двадцати от меня. Андриан замолк, а волки один по

одному стали выходить на полянку. Старые шли. передом, а молодые следом за ними. Они вышли на полянку, сгрудились в кучу, сели на задние лапы и, приподняв морды, разразились оглушительным воем. Так близко я их не слышал еще никогда... До меня! доходил даже запах этих волков, чмокание языками... Я видел их так хорошо, что имел возможность разглядывать не только их клыки и зубы, но даже миганье век и отливы серой серебристой шерсти...

Минут с десять пробыли они на полянке, но, не дождавшись и не встретя никого, повернули назад и гуськом направились в темный лес.

– Ну, теперь пойдете! – пробормотал Андриан, подползая ко мне.

Но Андриана нельзя было узнать: голос его дрожал, зубы щелкали, он весь трясся, как в лихорадке, и едва ворочал языком.

– Что с тобой? – спросил я.

– Известно что!.. Волки... Шкура дрожит, когда вижу их... Бьет всего... Это ничего!.. Пойдемте!..

И действительно Андриана была охотничья лихорадка.

Однако немного погодя нервный припадок, случившийся с Андрианом, прошел. Он встрепенулся, надел фуражку, и мы отправились по направлению к тому дереву, к которому были привязаны наши лошади. Часу в третьем ночи мы снова были уже на охотничьем дворе. Там все уже спали. Андриан принес мне охапку соломы, бросил ее в угол, постелил

на солому пальто, положил подушку, и немного погодя, измученный и усталый, я лежал на этом наскоро устроенном ложе. Весь пол комнаты оказался устланным такими же точно постелями, и богатырский звучный храп мощно раздавался отовсюду. Рядом со мной спал какой-то господин, укрывшись драповой чуйкой, я посмотрел ему в лицо и узнал Ивана Иваныча, того самого, лошадь которого вальсировала по дороге. Впоследствии мне сообщили, что Иван Иваныч только во втором часу ночи добрался до места ночлега. Однако храп как будто стал утихать, в глазах у меня забегали какие-то не то круги, не то пятна... Представился какой-то лес, пересекаемый оврагами и рытвинами... Андриан верхом на волке... Потом опять круги, опять послышался храп, а затем все как будто исчезло, глаза закрылись и... я заснул.

– Пора, пора! – послышался чей-то голос.

– Пора! – подхватил распорядитель. – Василий Назарыч, Болеслав Феликсович, Василий Васильевич, Григорий Григорьевич, Александр Осипович, пора, вставайте.

– Неужели пора? – раздалось с разных сторон.

– Конечно, пора.

– Митрофан Павлович, пощадите! Да который же час?

– Пять часов, шестой.

В комнате послышалось какое-то топанье, чьи-то шаги, показалась жена Андриана со шипевшим самоваром, послышался стук чашек, пахнуло чаем, шаги стали усиливаться, раздался и голос Михаила Бурбонова...

– Что, встать? – вскричал он.

– Конечно, встать...

Говор усиливался, под окнами стал раздаваться стук подъезжавших тележек и тарантасов, загремели бубенчики, зазвенели колокольчики... Это стали съезжаться охотники, выехавшие из Саратова только утром. Разговор превратился в какой-то беспорядочный шум... Но шум этот мгновенно умолкал, как только распорядитель охоты начинал говорить о подвытых волках.

– Да тут ли они? – спросил кто-то.

– Конечно, тут. Волки подвыты, огляжены, сочтены.

– А может, матка увела гнездо на добычу? – возражали недоверявшие.

– Вот тебе здравствуй! – горячился распорядитель. – Да ведь, я думаю, не дальше, как нынешнею ночью, часа три-четыре тому назад Андриан ездил в Девятовку, два раза видел их нос к носу и всех сосчитал.

– А что, Андриан ушел?

– Конечно, ушел, уж он теперь там, под островом. Вместе с ним и Иван Иваныч поехал. Ведь он всегда заранее уезжает.

Раздался хохот, и хохот этот окончательно разбудил меня. Я вскочил, обулся, умылся и принялся за чай.

Часа через два мы подъезжали уже к Девятовскому лесу. Андриан со сомкнутой стаей и выжлятником Антоном давным-давно были уже там. На Андриане был новый верблюжий армяк, тот же драный картузишка, за спиной висел

огромный рог, а на шее был намотан платок, походивший по своей величине скорее на какое-то шерстяное и грязное одеяло. У ног рыжей его лошадки сучивалась стая, так плотно прижимаясь друг к другу, что можно было подумать, что все эти псы срослись между собою... Немного поодаль, припав на луку седла, и выжлятник Антон. На нем был такой же костюм, как и на Андриане, но зато выражение лица было совершенно иное. Андриан как-то щурился, как-то хмурился, словно закутался в широкую лопатообразную рыжую бороду, имел вид сосредоточенный, тогда как Антон, развеся губы и вытараща глаза, смотрел на все окружающее не то равнодушно, не то лениво. Ивана Иваныча все еще не было, мы обогнали его в Разбойщине, по улицам которой он вытанцовывал свой обычный вальс. Подождав его минут с пятнадцать, мы порешили наконец, что десятеро одного не ждут, вышли из экипажей и пешком отправились под остров. Там был брошен жеребий, и, когда все жеребьи были вынуты, распорядитель принялся расставлять каждого по номерам...

Быть может, однако, не каждому из моих читателей знаком порядок или, лучше сказать, способ, практикуемый во время охоты с гончими. Для этого выбирается остров ("островом" на языке охотников называется не материк, со всех сторон окруженный водою, а отъемный лес, окруженный степью), затем остров этот оцепляется или стрелками, или же борзятниками, а в самый остров набрасываются гончие, на обязанности которых и лежит выставить зверя в поле на

цель стрелков или борзятников. Если лес слишком велик и не представляет собою отъемного острова, то отхватывают часть его, какой-нибудь угол, овраг, котловину, и тогда стрелки расставляются уж не по опушке леса, а внутри его, смотря по расположению местности. На этот раз самыми удобными лазами (местами) для стрелков считаются лесные дорожки, просеки, водотеки, словом, все те места, на которых стрелку представляется более всего удобства оглядеть перебегающего зверя. Поднятый гончими волк бежит без оглядки, куда попало, напротив того, лиса рыщет с оглядкой, с осторожностью, осматривает каждый куст, и горе тому стрелку или борзятнику, которого она заметит. Она делает мгновенно быстрый прыжок, вильнет трубой, и на это место уже более не выйдет. Охотник должен непременно выбрать "такое место" чтобы его не было видно и чтобы перед ним было хоть сколько-нибудь открытое место, чтобы оглядеть зверя. Вот почему дорожки, просеки и водомоины считаются при такой охоте самыми удобнейшими местами.

Точно такой же способ пришлось нам применить и в Девятовском лесу. Пришлось отхватить часть его, а именно угол, перерезанный поперек большим оврагом, заросшим камышом, тальником и вербой. С одной стороны, овраг этот, образовавшийся в ущелье двух гор, покрыт высоким лесом, с другой, наоборот, — мелколесьем. По мелколесью этому вдоль самого оврага тянулась дорожка. По этой-то дорожке и были расставлены стрелки. Гончие были заведены на про-

тивоположный конец угла и должны были идти навстречу нам. Мне достался по жребию 13-й номер. Лаз был довольно удобный, ибо в этом самом месте дорожка подходила так близко к откосу оврага, что давала мне возможность видеть все дно оврага, а равно и берег его направо и налево. Как только стрелки были расставлены, так весь лес словно замер. Каждый из нас притаил дыхание, окаменел и чувствовал, что минута тревожного ожидания настала. День был превосходный, солнечный, жаркий. Из соседних сел доносился, звон колоколов, ветра ни малейшего... Солнце так и осыпало лучами окрестность. Лес был особенно роскошен. Темная зелень дуба здесь и там, словно громадными букетами, разнообразилась пурпуровыми листьями вяза. В воздухе носились трескучие красные бабочки, гремя своими крылышками, словно трещотками; полет их был короткий, ибо жесткие крылья, которыми они снабжены, не позволяли им совершать далекие перелеты: снимется с одного стебелька, зашумит, затрещит и, словно изнеможенная, падает на землю. Прямо передо мною на противоположном берегу оврага виднелась просека, на которой ночью видели мы подвытых волков. Я стоял как вкопанный, чутко прислушиваясь к малейшему шелесту, к малейшему шороху... Вдруг на дне оврага послышался чей-то говор, послышалось глухое тяпанье топора, скрип тележных колес, и сердце мое мгновенно замерло... "Там народ, – мелькнуло у меня в голове, – народ в том самом месте, где держалось гнездо. Ну, если народ этот

Струнул гнездо, и гнездо это переключало куда-нибудь в крепь!" Но в этот самый момент лес словно вздрогнул, словно застонал и весь до последней ветки, до последнего листка огласился адским воем. Стая, насаженная на гнездо, заревела. Здесь было все: и вопль, и стоны, и слезы, и отчаяние, и яростная, злоба. Можно было подумать, что вся котловина была переполнена гончими, что там раздавались не десятки, а тысячи голосов, что там идет ожесточенный бой, бой не на жизнь, а на смерть со всеми его муками и стонами. К вою гончих присоединились и голоса Андриана и Антона. Загремел рог, эхо повторило его в горах... Раздался выстрел, другой, третий, четвертый, слышались выстрелы без конца... Кусты задымились пороховым дымом; где-то на опушке слышался топот коней, крики: "Улю-лю! улю-лю!"; в котловине раздалось: "Слушь, к нему!" – и все это перемешалось в такой хаос, от которого и лес и земля приходили в трепет.

– Вот так важно! – раздался вдруг возле меня чей-то незнакомый голос, и вслед за тем я увидел вылезавшего из-под кручи мужика.

– Ты зачем здесь? – крикнул я.

– Что, аль мешаю?

– Известно, мешаешь...

– Нет, ничего... Там уж больше нету бирюков-то... всех покончили.

– Неужто всех?

Но мужик уже не слушал и, присев возле меня, снял шап-

ку и принялся чесать в затылке. Гон между тем действительно стал ослабевать, гнали уже не стайно, а в одиночку... То там отзывался голос, то в другом месте. Видно было по всему, что с гнездом покончили, что разгоряченные псы гнали уже зря, врали и увлекались лишь воспоминанием только что пережитого. Иногда, однако, они опять сваливались, и вой снова оглашал лес. Но это был уже не тот адский дикий вой, который только что раздался в котловине. Можно было догадаться, что гнали уже не по волку, а по лисе. Сидевший рядом со мной мужик, видимо, увлекался. Глаза его горели, рот был полуоткрыт и оживлялся самой восторженной улыбкой...

– Это чьи скалушки-то?

Я сказал.

– Из Саратова, значит?

– Из Саратова.

– Ну, спасибо.

– А что?

– Да так их и надоть, волков-то этих. Проклятые меня в разор разорили.

– Неужели?

– Еще бы. Тут пахота подошла, а они у меня двух, лошадей зарезали.

И, проговорив это, мужик тяжело вздохнул и повесил голову.

– Волки совсем одолели, а тут еще рендатель грызет... Тот

уже хуже волка еще!..

– Какой такой арендатель?

– Михал Максимыч... Знаешь, что ли?

– Нет, не знаю.

– Лобченков по фамилии, купец саратовский. Он у города землю арендует, а уж мы у него снимаем. Не дает мне хлеб с поля убрать, да шабаш... "Заплати, говорит, деньги за землю..." – а где я ему без хлеба-то денег возьму? Так и не дал... А наемдни приезжаю на загон, вижу – хлеб мой вымолочен. Приказчик его подъехал, я ему и показываю на солому-то... "Что ж, мол, это такое?" А он и говорит: "Это не мы, а черкесы, крадучи, обмолотили ночью", – повернул носом и поехал...

– Что ж теперь делать-то? – спросил я.

– Известно что! Жалиться надоть... Только вряд ли дело-то мое выгорит...

– Почему это?

– А по тому самому, что у Михал Максимыча, вишь, рука есть в городе... Что захочет, то и делает...

И, немного погодя, он прибавил:

– Ох, и продувной только...

– А что?

– Да как же!.. Сам ренты не платит, отсрочку себе охлопотал... "Платить, говорит, нечем, потому у мужиков хлеб не родился и денег нет"... Ему дума отсрочила до будущего года, а с нас все-таки дерет... Вот волк-то какой, кабы вот на

этого-то скалущек напустить... Вот это было бы важно!..

Но мужик мгновенно замолк, ибо в это самое время в котловине снова раздался вой, снова раздались крики; "Слушь, к нему!", стая подвалила, закипела, застонала, послышался треск сучьев, лошадиный топот, хлопанье арапников, поднялась испуганная стая грачей, а вслед за тем раздались выстрелы, и снова кусты задымились пороховым дымом.

Часа через полтора охота в Девятовском лесу была покончена. Андриан стоял уже на бугре и вызывал гончих. Антон метался по лесу, собирая их, и как только встречал пса, так в ту же минуту скакал за ним, хлопал арапником и кричал во все горло: "Влись к нему! Будило, влись в стаю!" Слышался визг, и бедный пес, поджав хвост и уши, спешил на звук рога. Мы тоже покинули свои места и вышли на полянку. Оказалось, что волков убито было только три и один затравлен борзыми. Волки были убиты гг. Лукиным, Крафтом и Мелитевым. Сверх того была убита одна лиса, кажется, г. Щипанским. Бурбонов остался ни при чем, хотя на нега и выходил волк. Произошло это оттого, что почтенный мой товарищ забыл отодвинуть какую-то пружинку у своего Ланкастера и ружье не выстрелило. Старые волки ушли и, по словам стрелков, никем не были видены. Однако подъехавший Андриан уличил одного из охотников во лжи.

– Вы что же это? – кричал он еще издали. – А?

– Что?

– Как что! Прозевали старуху-то с двумя переярками!..

– Когда?

– Когда! А когда они мимо вас шли,.. Вот когда!

– Что ты, господь с тобой!..

Но Андриан уже не слушал.

– Эх, вы! – кричал он с пеной у рта. – Туда же лезете... сидели бы себе дома... а то тоже на охоту... ружье купили!.. Мешалку вам в руки-то, а не ружье... Тут орешь-орешь по лесу-то, а он губы распускает....

Я взглянул на расшвырянутого Андриана и пришел в ужас: лицо его было все в крови, новая верблюжья чуйка представляла из себя сплошные лохмотья, знаменитой равной фуражки не существовало, растрепанные волосы были всклокочены и усыпаны прутиками и листками, словно убранный он за свои подвиги венком из лавров... Так ободрался этот несчастный человек, что на него жаль было смотреть...

В Курдюмский лес мы с Бурбоновым не поехали и, закусив немного, распростились с товарищами, сели в тележку и направились в Саратов. Проезжая мимо грузиновских хуторов, мы встретили Ивана Иваныча. На этот раз он нанял какого-то парня, который и вел под уздцы его сварливую лошадь.

– Ну что, кончили в Девятровке? – кричал он нам.

– Кончили.

– Убили что-нибудь?

– Четырех волков и лису, – ответил я.

– Отлично!

– А вы все еще не доехали?

– Теперь скоро доеду...

И, проговорив это, он принялся понукать парня, чтобы тот шибче бежал. Бурбонов лежал, запрокинувшись на спинку тележки, и весело хохотал.